

А Л Л Е Р Г И Я

Игорь ВЕРЕСНЕВ.

Яркая точка вспыхнула в предвечернем Небе прямо над головой Лаки. Зависла на миг и огненной птицей рванула вниз, к земле.

Разумеется, никакая это была не птица. Небесный камень, из тех, что носятся в пустоте, за пределами воздушной сферы. Ме-те-о-рит. Лаки видел похожие два года назад — целый рой! Но те были крохотные, вспыхивали и сразу гасли. А этот никак не сторгит, наверное, огромный. Как сарахнет оземь — мало не покажется!

Лаки невольно прикрыл ушные раковины, ещё и ладошками зажал, сдвигая слух из акустического в радиодиапазон. И услышал неожиданно — камень разговаривает! Смысл слов он не разобрал, но это была человеческая речь, несомненно. Вовсе не камень приближался к опушке леса. Камень летел бы всё быстрее и быстрее, а эта штукавина уменьшала скорость. И не горела она — огонь вырвался из сопел тормозных двигателей. Теперь сомнений не оставалось — они вернулись! И Наставник, и Дедушка Эрл, и другие взрослые твердили, что рано или поздно они вернуться. И вот это случилось. Небесные Люди возвращались на Землю.

Озноб прошёл по телу, приподнял чешуйки на спине. Получается, он, Лаки, первым увидел долгожданных сородичей?! Повезло так повезло! Это же все обзавидуются, даже Герка, что так кичится пучком длинных лилово-сизых волос, выросших на макушке.

Восторга хватило ненадолго. Толку-то, что первым увидел? Пока добежит до Города, Небесные Люди не только космолёт свой успеют посадить прямо на центральной поляне, а и сами усядутся с дедушками и наставниками, пустят по круту чаши. А мелюзга — и Герка первая! — будет шнырять вокруг, слушать разговоры взрослых, учиться языку пришельцев. Один он не успеет, хоть все чешуйки на лодыжках пообдирай о кусты!

Рассказ получил специальный приз редакции журнала «Наука и жизнь» на конкурсе «Созвездие Аю-Даг». 2012.

Лаки заурчал обиженно. И обомлел — будто услышав его, космолёт сделал крутой вираж и понёсся в противоположную сторону, к холмам. Блеснул на прощанье соплами и исчез за тёмным частоколом сосен.

Лаки растерянно моргнул. Что случилось? Почему Небесные Люди не захотели лететь в Город? Испугались?

И тут же понял — ничего они не испугались. Небесные Люди не знали о Городе! Они ведь покинули Землю задолго до того, как его начали высаживать. В те времена Город был в другом месте, там, где сейчас Руины. Именно туда сородичи и полетели. Надо было не стоять, тарашась да уши зажимая, а позвать их! Теперь поздно, теперь они за холмами, туда не докричишься.

Лаки понимал, что он должен делать: бежать в Город, рассказать всё Наставнику, — пусть взрослые поспешат на поиски гостей. Однако пока добежит, пока расскажет, а главное — пока поверят, что и правда видел, а не насочинял, может оказаться, что идти за холмы поздно. Небесные Люди не найдут никого в Руинах и снова улетят, уже навсегда. Они ведь не знают, что на Земле до сих пор живут люди. Уверены, что те давно умерли от странной болезни, название которой Лаки не помнил.

Конечно, если побегать не в Город, а к холмам, он успеет перехватить пришельцев. Но... в одиночку к Руинам не ходят. А маленьким детям туда и вовсе соваться запрещено.

Лаки гугукнул презрительно. Никакой он не маленький, ему уже шесть лет исполнилось! Через два года совершеннолетним станет, то есть почти взрослым.

Больше не сомневаясь и не медля, он припустил к холмам.

— Вахта вызывает шлюпку! Исай, как там у вас дела?

— Всё нормально. Вышли почти точно на Город. Выбираю место для посадки.

Сидевший рядом Марко хмыкнул:

— Да уж, «почти точно»... Едва нашли. Я же говорил, твои старые карты ни к чёрту не годятся.

Спорить Исай не стал. Найти Город оказалось и впрямь не так легко, как он ожидал. Что по одну сторону холмов лес, что по дру-

Рисунок Султана Галимзянова.

гую. Лишь когда прошли на бредущем, увидели торчащие среди непроходимых зелёных зарослей зубья бетонных конструкций да раскрошившиеся остовы из рыжего кирпича. Всё, что уцелело... А чему удивляться при здешних ливнях, ураганах и землетрясениях? И особенно при гиперактивной органике? Это тебе не надёжный, спокойный Марс. Планета за три с половиной сотни лет умудрилась почти полностью стереть следы пребывания здесь человечества. Разве что в пустынях сохранилось поболее. Возможно,

стоило послушать Ренату и для первой высадки выбрать какую-нибудь «сахару»? Но если первая окажется и последней, что тогда? Что они привезут домой? Им ведь нужны не фото «утраченной родины предков», а конкретные данные. Уцелевшие материалы исследований, проводившихся здесь после эвакуации. Хотя бы что-то полезное, что позволит доказать скептикам необходимость будущих экспедиций. Иначе правительство свернёт программу межпланетных полётов, как и предупреждали... ⇨

— Они что, бомбили друг друга? — преврал размышления Клавдий.

— Кое-где и бомбили — нужно же было ядерные боеголовки израсходовать, — снисходительно пояснил Марко. — Но не здесь. Против здешних пришлось применить тектоническое оружие.

— Зачем?!

— Превентивная мера. Они могли помешать с эвакуацией.

Исай опять промолчал. До первого цикла пандемии на Земле проживало без малого восемь миллиардов, к началу массовой эвакуации — три с половиной. Слишком много. Ресурсов купола над кальдерой Олимпа едва хватило, чтобы разместить пятьдесят миллионов колонистов. Всем прочим пришлось остаться. Жестокая плата за выживание человечества как вида. Но уплатили её не зря. На Марсе люди построили идеальное общество, о каком их земные предки могли лишь мечтать. Общество равных стартовых возможностей и социальных гарантий, взаимного уважения и командной солидарности.

— Где садимся?

Исай вывел на экран навигатора укрупнённую карту города.

— Думаю, территория института прямо под нами. Садимся на площадку перед главным корпусом.

Фасад первого этажа уцелел почти полностью, проглядывал проёмами окон сквозь мясистое покрывало плюща. Вернее, это был второй этаж. Первый утонул в горах бетонно-стеклянного крошева, непролазных зарослей ясени и айланта.

Лапы-опоры шаттла коснулись поверхности. Машина вздрогнула, накренилась. Мгновенный испуг — здесь вполне могут скрываться тоннели коммуникаций, присыпанные грунтом люки. Но нет, обошлось. Челнок стоял крепко.

— Шлюпка вызывает вахту! Рената, мы приземлились. Выходим.

— Хорошо, Исай, удачи! Только прошу, будьте осторожны.

— Пожелай нам ни пуха ни пера, — неожиданно попросил Марко. — По древней традиции.

— Как? Не пуха и не пера?

— Иди к чёрту! — Марко захохотал и, прежде чем Рената успела возмутиться, растворил нижний люк.

Сосновый бор закончился, едва Лаки перебрался через гребень холма. За ним тянулась полоса пустоши — граница, отделяющая принадлежащий людям мир от Руин. Лес, поднимавшийся за пустошью,

на первый взгляд ничем не отличался от того, что остался за спиной. Но на самом деле лес, поглотивший Руины, был совсем иным: опасным, хищным, как и твари, что жили в нём.

Лаки остановился на опушке. Может быть, не стоит идти дальше? Он снова слышит, как Небесные Люди переговариваются между собой, значит, и позвать их сумеет. Нужно крикнуть погромче. И с диапазоном частот не ошибиться.

Лаки крикнул, громко:

— Я здесь! Летите и сразу увидите. Я отведу вас в настоящий Город!

Затем ещё раз. Но как понять, услышали его Небесные Люди или нет? Они продолжали разговаривать между собой, и космолёт оставался на месте. Почему? Они ведь не могли не понять его слов, — Наставник рассказывал, у Небесных Людей есть умные устройства, чтобы понимать любой язык. И сами они умные, куда до них земным людям! Дедушка Эрл уверял: на Небеса забрали самых-самых умных. Правда, он Небесных Людей не видел: даже дедушкин дедушка родился уже после того, как они улетели. Но раз улетели — то ведь в самом деле умные. Земные люди летать не умеют, разве что самую малость, с дерева на дерево. И то не все, а лишь те, у кого пёрышки на руках растут, как у Герки. И до красной звёздочки, где теперь живут сородичи, земные люди докричатся не смогли, как ни старались.

Лаки вздохнул. Пришельцы не ответили, не услышали его крика. Ничего не поделаешь, придётся самому в Руины идти.

Дюзы выггли вокруг шаттла овальную прогалину. Каждый шаг поднимал в воздух облачко мелкого чёрного пепла. Исай выбрался из-под днища машины, включил внешние микрофоны. Вокруг что-то шелестело, шуршало, похрустывало, пошвиствывало, скрипело и ухало. Краем глаза Исай заметил, как Марко передёрнул плечами и поспешно расстегнул кобуру. Страшно? Это тебе не кибер-тренажёр на базе, здесь всё настоящее. И риск — настоящий.

— Неужели и правда туда сунешься? — Марко кивнул на заросший амброзией и борщевиком склон щебневой горы.

— Разумеется. — Исай переключился на дальнюю связь. — Рената, мы снаружи. Видишь меня?

— Да, картинка чёткая. Просматривается весь фасад здания.

— Отлично, — и шагнул прямо в густую, высокую, почти по грудь, траву.

На первом шаге Исай невольно задержал дыхание, прислушался к ощущениям, словно ожидал почувствовать, как ядовитый сок разъедает металлоткань скафандра. Тут же ругнул себя мысленно. Ерунда полная, отголосок фобий, которыми страдали предки. Металлоткань — это тебе не голая кожа, с ней никакая растительная дрянь не справится.

Чуть выше по склону пришлось расчехлить тесак. Булатное лезвие на раз сносило яшеньки в руку толщиной, усилий прикладывать не приходилось. Мягкая древесина, рыхлая, не то что у их марсианских потомков. Вся органика на этой планете мягкая и рыхлая. И люди были такими же. За что и поплатились...

Исай отогнал лезущие без спросу мысли. Тем более выбранное им окно — вот оно, рядом. Последний взмах тесаком, и плещ стёк под ноги горой зелёного мусора. Исай осторожно заглянул в проём.

Как ни странно, перекрытие между вторым и третьим этажом уцелело почти полностью. С одной стороны — есть надежда, что удастся найти что-нибудь интересное. С другой — на этой долготе уже вечерело, солнце почти касалось вершин деревьев на западных холмах. Снаружи-то ещё светло, но сюда, в развалины, лучи его едва пробивались. Через час и вовсе темно станет.

Час — это уйма времени. Исай включил фонарь и полез внутрь.

— Исай, ты с картинки пропал, — тут же сообщила Рената. — Будь добр, подключи свою видеокамеру к шлюпочному ретранслятору.

— Угу. — Исай послушно открыл прикрепленный к поясу пенал пульта управления, щёлкнул рычажками. Поинтересовался: — Хорошо видно?

— Плохо. Темно очень. Не видно, что в углях делается.

Исай покосился на дальний угол зала. В самом деле, одна сплошная тёмная клякса.

— Ой...

— Что случилось?

— Помеха пошла, рябь. Ага, снова вижу... Нет, опять. Да что там происходит?

— Может быть, стены экранируют?

— Не должны... Ну что ты будешь делать! Если б не знала, что такое невозможно, решила бы, кто-то нарочно пытается заглушить трансляцию.

— Ладно, потом посмотришь, что я снимаю. Главное, голосовая связь устойчива.

Исай медленно пошёл в глубь здания. Пятно света металось вокруг, выхватывая из темноты давным-давно сгнившую древесную труху, покоровившиеся, утратив-

шие цвет и форму куски пластика, бетонное крошево. Если это и всё, что уцелело...

Лаки старался быть тише воды и ниже травы. Тенью бестелесной прошмыгнуть, пока не заметили. Поначалу казалось — получится. Он же такой маленький, вёрткий. И совсем-совсем не вкусный! Здоровенные красноглазые собаки, с которыми он столкнулся буквально нос к носу, усталились на него, но стоило замереть, и они помчались по своим собачьим делам, только длинные голые хвосты засвистели, срезая листву с ветвей — вжик, вжик! Собак мальчишка не интересовал. Собакам хотелось настоящего, наполненного алой кровью мяса.

После этой встречи Лаки успокоился. А зря. И двух десятков шагов не сделал, как с ужасом ощутил на плече чью-то крепкую хватку. Обернулся... И ужаснулся ещё больше. Кряжистый, в пять обхватов дуб тянул к нему когтистые сучковатые лапы. Не дуб — людодуб! Собачьи хвосты разбудили хищника, раздражили. Догнать стаю он, разумеется, не мог, но тут как по заказу мальчишка подвернулся. Свеженький, сочный, для людодуба в самый раз.

Лаки взвизгнул, дёрнулся, не обращая внимания на боль. Вырвался, оставив в древесной лапе немалый лоскут кожи. И тут же упал — появившиеся невесть откуда плети корней затянулись на лодыжках.

— Помогите! — завопил Лаки во всю мочь.

Да толку-то? Взрослые за холмами, не услышат. А Небесные Люди хоть и близко, хоть и слышат, но отчего-то не понимают.

Людодуб выбросил ветви-клякши, снова вцепился в плечо, в спину, в руки, волоком потащил мальчишку к себе. Упереться, цепляться за кустики травы было бессмысленно.

— Отпусти, слышишь?! Мы же почти родичи!

Но уговаривать безмозглую тварь ещё глупее, чем упираться. Лаки завыл от ужаса. И тут его с размаху впечатало в твёрдую, шершавую кору. Дыхание перехватило, во рту стало кисло. А древесина под корой уже шевелилась, вибрировала — хищник формировал дупло, примерялся к размерам жертвы.

— Нет!!! — последний раз завизжал Лаки.

И провалился в липкую вонючую темноту.

Визг из динамиков так врезал по барабанным перепонкам, что Исай охнул и присел от неожиданной боли. Потом закричал:

— Марко, Клавдий! Что там у вас?! Что случилось?

Нет ответа. И тревожный голос Ренаты, еле различимый среди хрипов и скрежета помох:

— Исай, что происходит?

— Понятия не имею! Думал, может, ты мне скажешь?

— Картинка со шлюпочных камер пропала. Какой-то очень сильный импульс. Боюс, схемы ретранслятора повреждены. У нас лишь голосовая связь осталась.

— Мне они и по голосовой не отв...

— Исай, скорее!.. — ворвался вопль перепуганного до смерти Марко.

— Что случилось?!

Не дожидаясь ответа, Исай метнулся назад, стараясь не заблудиться в сумеречных лабиринтах развалин. Здесь направо, и ещё раз... Ах, чёрт! — едва не упал, зацепившись ногой за бетонный обломок. Вывалился в зал...

Нет, это был не тот просторный зал, в который он забирался снаружи. Длинная, похожая на пенал комната, чуть ли не по колено заваленная какой-то скользкой мерзостью. Неважно! Главное, в дальнем её конце — окно, задёрнутое зелёной занавесью плюша. И оттуда — та-та-тах! — автоматная очередь.

Исай, не глядя по сторонам, метнулся сквозь комнату. Вскрабкался на обломки, отдернул занавесь...

Гора щебня под окном обрывалась круто, ясени на ней не росли. Поэтому «челнок» посреди выжженной проплешины был виден отлично. И всё, что происходило вокруг.

Марко медленно пятился от края проплешины к борту шаттла, то и дело резко оборачивался, посылая в травяные заросли короткие очереди — та-тах! Что он там видел?!

Из-под днища «челнока» вынырнул Клавдий... И тут всё завертелось с неимоверной скоростью.

Они бросились одновременно со всех сторон. Похожие то ли на приземистых чёрных собак, то ли на крыс-переростков. С красными выпученными глазами, острыми мордами, голыми хвостами-верёвками. Их было много — два или три десятка, и трава продолжала шевелиться. Первых Марко положил длинной очередью, но Клавдий выстрелить не успел. На него набросились сзади, повалили, накрыли шевелящимся клубком. Марко развернулся, вскинул автомат — тах! — обойма пуста!

Исай выдернул из кобуры «штайр». Целиться времени не оставалось, поэтому он ударил по краю проплешины, в чёрные

спины, в загривки тварей. Главное, отвлек их на себя, дать Марко несколько секунд отсрочки, чтоб успел заменить магазин.

Та-та-та-тах! — ударила очередь, эхо гулко разнеслось по лабиринту комнат. И словно ответом что-то ухнуло позади, зашелестело. Исай оглянулся...

Сначала ему показалось, что звук выстрелов нарушил хрупкое равновесие и перекрытие этажа рухнуло. Но это было не перекрытие. От потолка комнаты отделялись тёмно-серые твари. Лоснящиеся кожаные крылья молотили воздух: миг — и всё пространство позади Исая заполнилось живой кипящей массой. А затем стая метнулась к окну, к свету угасающего дня.

Исай не успел увернуться. Его толкнуло, сбило с ног. Он опрокинулся навзничь, перекувыркнулся, упал на устланный пометом пол и...

Когда бежал через комнату, он не заметил эту дыру, спешил. А сейчас ухнул прямо в неё, сквозь проломленное перекрытие, вниз головой.

Исай попытался сгруппироваться, перевернуться на бок, но задел коленом о что-то твёрдое и тут же — теменем о пол. В глазах вспыхнули звёзды...

И погасли.

Нога болела отчаянно, голова ныла, подташнивало. Неужто сотрясение мозга умудрился заработать? Но это не самое страшное. Страшнее — сплошная чернота перед глазами.

Исай нашарил на пульте включатель подсветки. Тут же зафосфоресцировали индикаторы на рукаве. Слава богу, с глазами обошлось. Просто фонарь разбился при падении, а в это подземелье ни один лучик света не попадает снаружи... Потому что снаружи — ночь!

Исай с недоумением уставился на циферблат хронометра. Он провалялся без сознания четыре часа?! Но почему ребята его не вытащили? И тут же вспомнил — чёрные спины, шевелящаяся гряда, поглотившая Клавдия...

— Марко! Клавдий!

Тишина. Исай судорожно переключил тумблер на связь с кораблём:

— Рената! Рената, ответь! Рената!!!

Минут пять он пытался докричаться безуспешно. Почти отчаялся и вдруг услышал голос. Не Ренаты, мужской:

— Исай?!

— Марко? Ты где?

— Здесь, на корабле. Я думал... Я не знал... Какие-то твари напали на нас, добрались до Клавдия. Потом ты начал стрелять откуда-то, я не увидел. Потом другие

твари появились, летучие... Я звал тебя, но ты не отвечал! Они Клавдию скафандр прорвали?! Я спешил...

Прорвали скафандр?! Исаю сделалось холодно.

— Что с Клавдием?!

— Говорю же — скафандр повреждён... А, вот и Рената...

— Исай, живой?! Ты где?

— Что с Клавдием?!

— Он... Мы ничего не могли сделать. Сам понимаешь, от этого лекарства не существует! Даже тело пришлось кремировать... А ты как? С тобой всё в порядке?

— Почти... — Исай закрыл глаза. Значит, «отчий дом» получил своё жертвоприношение. Мальчишка, тридцати лет не исполнилось...

— Исай, почему молчишь? Что с тобой?

— Головой ударился немного... И нога. В какую-то дыру провалился. На первый этаж, а может, и глубже. Темно здесь, ничего не видно.

— А скафандр как?

— Скафандр цел.

— Слава богу... Держись, мы сейчас за тобой прилетим. Там никаких животных не видно поблизости?

— Не видно. Говорю же — темно!

— Хорошо, мы скоро. Продержись полчасика, — Рената отключилась.

Исай вздохнул, попытался лечь поудобней. Вот и всё... Теперь можно не сомневаться — первая экспедиция станет последней. Его старания убедить Совет были напрасны. Те, кто утверждал, что попытки полётов на Землю — неоправданный риск, оказались правы. Разведчики пока не нашли ничего полезного, а уже оплатили знание человеческой жизнью.

Исай, пытаясь устроиться поудобнее, перевернулся на бок. Под ним что-то хрустнуло. Весь пол был усеян квадратными полупрозрачными пластинками в пол-ладони размером. Он поднял одну, поднёс к фосфоресцирующим экранчикам на рукаве. Прочёл на узкой боковой грани: «Лаб. журнал № 2/456». Да это же старинные голо-оптические кристаллы! Наверняка высыпались вон из того шкафа, когда он врезал по нему коленкой. Собственно

* Прокариоты — организмы, клетки которых не имеют оформленного ядра. К прокариотам относятся все бактерии.

** Антибиотикорезистентность — устойчивость микробного штамма к действию одного или нескольких антибактериальных препаратов.

говоря, нечто подобное он и предполагал найти! Только бы кристаллическая решётка носителя не разрушилась.

Вынув из чехла покетбук, Исай приладил ридер подходящего типоразмера. Ну, поехали... Материал голо-кристалла проверку временем выдержал.

О том, что человечеству необходимо общий враг, чтобы обрести единство, говорили ещё во второй половине XX века. Смешно, но никто и не подозревал, что к тому времени человечество уже несколько десятилетий пестовало такого врага. Люди создали его, когда зачислили антибиотики в разряд «лекарств», тем самым объявив геноцид старейшим обитателям Земли.

Миллионы лет человек и прокариоты* сосуществовали бок о бок. Первый был для вторых иногда симбионтом, иногда — домом. Иногда — пищей. Но не врагом. Понятия «враг» для прокариотов не существовало.

Зато человек во «врагах» толк знал. «Действуя на микробы, следует помнить об их собственных интересах» — предупреждение Павлова не слышали. Ведь полная и окончательная победа, казалось, так близка. Ещё одно усилие, ещё одна линейка антибиотических «лекарств» — и «книга инфекционных заболеваний будет закрыта».

Спихватились, когда стало поздно. Оказалось, люди почти ничего не знают о своём противнике. Первый сюрприз — открытие горизонтального переноса генетической информации. Получалось, что колония бактерий — не просто триллионы одноклеточных организмов, а некое совершенно иное существо, пусть неразумное, по человеческим меркам, но порой действующее весьма осмысленно. Потом люди обнаружили «пятую колонну» прокариотов в собственных клетках. Потом... война уже перешла в новую стадию.

Первым делом бактерии разработали эффективную стратегию самозащиты. А когда антибиотическая резистентность** стала почти стопроцентной, перешли в наступление. Ударили по человеку его собственным оружием: иммунной системой. Первый цикл аллергических пандемий, второй, третий... А сколько их последовало после того, как пятьдесят миллионов счастливиц сбежали в стерильную атмосферу марсианских куполов? Сколько времени понадобилось прокариотам, чтобы последний представитель вида Ното

Sapiens на Земле испустил дух? Десять лет? Год? Месяц?

Странная всё-таки судьба сложилась у открытия пенициллина. Первое столетие препарат величали спасителем человечества. Затем — обвинили во всех бедах, назвали гробовщиком. Затем, уже на Марсе, вновь возвели на пьедестал — в буквальном смысле: памятник Александру Флемингу давно стоит в столице державы, на площади Солидарности. Ведь если бы не проигранная прокариотам война, люди рано или поздно нашли бы способ истребить себя. А так — человечество вынудили начать всё заново, искать другой путь. И оно его нашло!

Надо признать, проблему решали и другим способом. Исай читал о подобных экспериментах, а теперь, просматривая лабораторные журналы, убедился в этом воочию. Исследователи пытались обмануть прокариотов, модифицировав человеческую ДНК. Рекомбинировали, добавляли в неё гены бактерий, животных, растений. Исай чуть не стошнило, когда он увидел фото полученных результатов... Нет, называть людьми этих химер язык не поворачивался. Кажется, Марко был прав, отставивая правомерность того превентивного тектонического удара. Даже если здешние не могли помешать эвакуации. Понятно теперь, что за твари напали на ребят. Не иначе, «опытные образцы» сбежали из вольеров во время землетрясения. И надо же — выжили, сумели приспособиться, размножились.

Лаки неслыханно повезло. Людодуб задремал, едва солнце село за холмы. Хищник не удосужился переварить пойманную жертву.

Как только Лаки сообразил, что волокна людодуба ослабли, прекратили его сплющивать, выдавливая по капельке сок, упёрся локтями, коленями, впился зубами, выгрызая путь к свободе, надеясь, что хищник не проснётся.

Ему повезло ещё раз — болевых рецепторов в волокнах людодуба нет. Лаки вывалился наружу, поднялся на ноги, тяжело дыша. Всё же многовато соков высосал из него хищник. Самое время растянуться на солнышке, выпустить из-под чешуек псевдолисточки, впитывая лучистую энергию... Да где его взять — солнышко? Ночь давно. Значит, нужно уползти в Город, приткнуться где-нибудь незаметно и дожидаться утра. А как иначе? Не просить же Наставника, чтобы поделился сукровицей. Сразу расспросы начнутся:

где был, что стряслось? Почему сам в Руины попёрся, почему взрослым о гостях не сообщил? А что сообщать теперь-то? Небесные Люди давно вернулись в свой космический дом.

И тут он услышал... Да, космолёт улетел, но один Небесный Человек почему-то остался. Он был близко, разговаривал со своими товарищами. Всех слов Лаки пока не понимал, но страх, отчаяние в интонациях уловил. Случилась беда. А оставлять человека в беде нельзя, это и шестилетний мальчишка знает.

Лаки повернулся и поковылял к холодным пятнам развалин.

Исай вздохнул... И неожиданно ощутил, что воздуха в лёгкие попало слишком мало. Попробовал снова. Что происходит? Неполладки в скафандре? Но ведь он его протестировал. Первое, что сделал, очнувшись, — проверил герметичность. Нет, глупости. Если б была прореха, он бы уже умер, как Клавдий, — за четыре-то часа.

Четыре часа?! Да плюс время, пока приземлялись, пока искали город. Давно пора дозаправить баллон. Исай поспешно взглянул на индикатор уровня кислорода. Так и есть, почти на нуле.

— Рената! Рената! — заорал он в микрофон. — У меня кислород заканчивается!

— Знаю, не хотела тебя пугать. Исай, не беспокойся, мы близко. Тебе хватит.

— Хватит?!

— Хватит. Просто не кричи. И не делай резких движений. Жди нас и старайся дышать пореже.

«Дыши пореже»... Сколько кислорода в баллоне? На десять минут жизни? На пять? Или на одну? И ещё одну человек способен не дышать. За две минуты они даже в подземелье спуститься не успеют...

Он заскрежетал зубами и отшвырнул прочь кристалл с картинками уродливых тварей, ничем не напоминавших человеческих детёнышей.

Место, где стоял космолёт, Лаки нашёл быстро: дюзы выжгли огромную проплешину в траве. Но пахло здесь не только пеплом, но и кровью. Собачьей кровью! Стая напала на Небесных Людей? Вот куда они бежали, оказывается! Людям пришлось отбиваться. Должно быть, тот, кто остался, ранен. Не сумел добежать до космолёта, спрятался, затаился в развалинах.

Лаки из последних сил вскарабкался по крутому склону, заглянул в чёрное нутро

комнаты. Запах человека шёл из дыры в полу. Не раздумывая, мальчик прыгнул туда.

Кислорода в баллоне всё же оказалось больше, чем на одну минуту. Но меньше, чем на десять. Потому как красные круги уже начинали плыть перед глазами.

— Рената... Я не могу больше... — прохрипел он.

— Исай, держись! Мы на подлёте, захожу на посадку.

Наверное, он потерял сознание на несколько минут. Потому что сразу услышал шорох осыпавшегося гравия, мягкий стук упавшего с высоты тела.

— Рената...

— Сейчас, сейчас. Ты помнишь, в какой из комнат та дыра?

— Что?

Существо, лежащее в трёх метрах от Исаю, было не Ренатой. И не Марком. Не человеком! Химера с голым черепом и тускло поблёскивающей чешуйчатой кожей. Вот оно приподняло голову, приоткрыло ротовую щель...

— Нет!

Исай схватился за пустую кобуру. «Штайр» он, должно быть, обронил наверху. Тесак тоже... И теперь безоружен, беспомощен... Пальцы наткнулись на твёрдый кругляш. Световая граната. Конечно, тварь это не убьёт, но хоть отпугнёт, ослепит.

Исай сорвал чеку, швырнул гранату в монстра. Зажмурился, не надеясь, что автоматика гермошлема успеет включить светофильтр...

Лучистая энергия вспышки оказалась такой интенсивной, что несколько листиков на груди съезжились. Но другие сумели её воспринять, усвоить. Бодрость словно после хорошего глотка сукровицы растеклась по жилам.

Лаки вскочил. Сонливой слабости как не бывало. Человек поделился с ним жизненной силой! Может быть, это последний его резерв, но он всё равно отдал. Выходит, Небесные Люди такие же, как земные, лишь выглядят иначе. Теперь пришёл черёд Лаки помогать.

Мальчишка бросился к лежащему навзничь пришельцу. Присел, принялся ощущать. Холодный? Мёртвый?! Нет, это не настоящая кожа. Наставник рассказывал — Небесные Люди поверх собственной кожи носят другую, в их мире иначе нельзя. Ничего, Лаки ощущал и сквозь неё.

Человек в самом деле был ранен — в ногу и голову. Но это неопасные раны. Гораздо страшнее — он задыхался. Должно быть, что-то повредилось в его наружной коже, она не пропускала воздух к внутренней. И как быть? Небесные Люди не умеют останавливать дыхание, впадать в спячку. Человек умрёт, если ему не помочь. Но внешняя кожа прочная, ни руками, ни зубами не рвётся.

И вдруг Лаки сообразил! Он ведь умный, хоть и обычный земной мальчишка. Верхняя кожа — не настоящая, с ней не рождаются. Её надевают, когда понадобится. А значит, и снимают! Должно быть устройство, чтобы это сделать. Да вот же оно, на поясе! Но здесь так много рычажков. Как узнать, какой нужен?

Лаки хотел было дёргать все по очереди, но тут же испугался. Что если он ещё сильнее навредит Небесному Человеку? Он принялся трясти пришельца, выговаривая звуки, которые слышал и запомнил. Непривычная к акустической речи гортань подчинилась плохо, но Лаки очень старался:

— И-са-е... Ри-а-те... Ка-рбель... Са-фандр... Ти-би-ха-тит...

Бросок гранаты отобрал последние силы, и вспышка толкнула Исаю назад в липкую, удушливую тину беспамятства. Надолго? Наверное, нет... Чьи-то руки принялись трясти его, не позволяя утонуть окончательно:

— Исай! Ты слышишь меня?

— Рената? — с трудом пошевелил он губами.

— Да, да! Быстрее снимай скафандр!

Ни руки, ни ноги, ни даже мысли не желали слушаться, но он с трудом дотянулся до ворота, вцепился пальцами в застёжку гермошлема. Ну помоги же, помоги!

Ладонь Ренаты легла на его руку. Сдавила, дёрнула...

Удушливое беспамятство отступало толчками. С каждым новым глотком прохладного воздуха, наполненного ароматами мускуса и гвоздики. «Странно, — отрешённо подумал Исай. — Никогда прежде не замечал этих духов...»

Он медленно разлепил веки. С полминуты вглядывался в полумрак, пытаясь понять, что видит. Потом понял. Лицо, склонившееся над ним... Это была не Рената! Химера из лабораторных журналов.

Страх кольнул крошечной иглой в сердце и тут же отступил, оставляя одну безысходность. Поздно. Прохладный, пахнущий пряностями воздух, которым он дышал

всё это время — полминуты? минуту? две? три? какая разница! — был забит до отказа крошечными, невидимыми глазу смертями. Пока он боролся с беспамятством, пока открывал глаза, пока всматривался в темноту, смерть входила в его тело. Чтобы сожрать, как Клавдия, а перед этим — как миллиарды людей на планете Земля.

Тварь чуть отодвинулась, безгубая щель рта искривилась в улыбке:

— Иса-е... Ла-ки... лю-ди...

Ишь ты, «люди».

Ответить он не успел. Ослепительно яркий свет фонаря ударил в глаза, автоматная очередь оглушила. Тяжёлые пули пробуравили чудовище насквозь, бросили на Исаю. Густая зеленовато-бурая жидкость хлынула на лицо, на полуоткрытые губы, заполнила рот. Кровь у этих «людей» была кислой, а не солёной.

Лаки не понял, что случилось. Верхнюю кожу с Небесного Человека он снять не сумел, но зато лопнула прозрачная плёнка, закрывающая его лицо. Свежий воздух оживил пришельца, он задышал глубоко, ровно. Затем открыл глаза. Лаки заговорил с ним — он уже понимал смысл нескольких слов.

И вдруг — яркий свет и сразу же — удары в спину. Стало больно, очень-очень больно. Кровь выливалась из рваных отверстий в груди так быстро, что он не мог её остановить.

Вокруг бегали Небесные Люди, о чём-то кричали. Это хорошо, значит, вернулись за своим раненым товарищем, они его спасут.

Потом вновь сделалось темно и тихо. И страшно. Лаки понял, что если заснёт сейчас, то кровь вытечет из него вся, и он не сможет проснуться, никогда не увидит рассвет. Однако сил, чтобы не заснуть, не оставалось...

Но рассвет он увидел.

— Лаки, Лаки... — Наставник нёс его на руках, и солнце поднималось над древними Руинами. — Что же ты наделал, мальчик? Зачем?

Лаки хотел рассказать о том, что случилось, но губы не подчинялись. Тогда он посмотрел в небо. Где-то там кружил над Землёй космический дом Небесных Людей. И пусть Лаки никогда их больше не увидит. Главное он знал — Небесные Люди добрые, умные, смелые. И они вернулись!

— Исай, я ещё раз повторяю — это глупая затея!

Рената твердила одно и то же всю дорогу, пока шаттл шёл сквозь атмосферу. И снова Исай начинал объяснять:

— Мальчик пытался спасти меня, а мы его — из автомата, в упор. И теперь сбежим, как нашкодившие щенки?

— Он хотел тебя убить! Снимал гермошлем...

— Не говори глупости! Я сам отключил застёжку в беспамятстве. Вы по-любому не успевали — я бы задохнулся раньше, чем вы меня нашли.

— Мы бы тебя... ну... был бы какой-то шанс реанимировать после клинической смерти. А так... Кто мог предположить, что у тебя проявится иммунитет? Это настоящее чудо!

— Рената, ты сама веришь в то, что сказала? «Чудо»? Вид Homo Sapiens утратил иммунитет двести лет назад. Меня спасла кровь мальчишки, понимаешь? Пока наши предки обустроивали Марс, те, кто остался, нашли способ выжить.

— Выжить? Неприемлемо высокая плата! Во что они себя превратили? Это полуживотные-полурастения, не имеющие ничего общего с людьми.

Исай промолчал.

Он уже видел выжженное пятнышко внизу, готов был сделать вираж, заводя «челнок» на посадку, когда заметил тёмные точки на безлесном склоне холма. Быстро провернул верньер обзорного экрана: полдюжины двуногих существ, покрытых мелкими зеленоватыми чешуйками, уходили из разрушенного Города. Самый высокий нёс на руках маленькую фигурку. Ночью Исай видел мальчика от силы минуту, но узнал. Да и как не узнать изъеденную пупьями грудь?

Рената тихо охнула.

— Исай, не нужно, пожалуйста. Мне страшно! Они же совсем другие! Мы никогда не сможем...

Он посадил шаттл как раз на пути процедуры, в двух десятках шагов от переднего. Распахнул люк, выпрыгнул. Сделал навстречу шаг, второй, третий. Решившись, отщёлкнул забрало гермошлема. Утренний воздух пах травяным соком и мятой.

Существа сбились в тесную группку, остановились. Чёрные выпуклые глаза без ресниц уставились на Исаю. Лишь мальчик не смотрел на него. неподвижный взгляд затерялся где-то в небесах.

Существа молчали. Ждали? Исай понимал: следует сказать что-то правильное, очень важное. Но придумать не мог ничего. Только прошептал:

— Лаки, Исай — люди...